

ВЕРЮЮ

Сегодня исполняется 15 лет со дня трагической гибели протоиерея Александра Менья. Православный священник, проповедник и богослов был убит неизвестными 9 сентября 1990 года по дороге к храму. Это преступление — первое из чреды громких политических убийств в России.

БОГ СНОВА ДАЛ ШАНС РОССИИ

Это отрывки из последнего интервью отца Александра. Он не слишком жаловал моих коллег, если они приходили к нему в своем профессиональном качестве. К тому времени мы были знакомы с отцом Александром довольно давно, я даже был одним из его духовных детей (к сожалению, но слишком прилежным). Может быть, поэтому он сделал для меня исключение. А спустя несколько дней, 9 сентября 1990 года, его не стало.

— Ныне православие в России переживает как бы второе рождение. Однако большинство моих сограждан бросилось в христианство отнюдь не в стремлении обрести Бога. Одни пришли в Церковь из протеста, другие — следуя моде. Вы так не думаете? — Мой опыт охватывает лишь сельскую церковь. Тех, кто приходит ко мне, следуя моде, очень мало. Большинство приходит по внутренним причинам. Они остаются, они трудятся — и внутренне, и внешне. А те, кто приходит из протеста, вскоре забывают об этом. Протест проходит, а внутренние проблемы остаются. Для того чтобы отплыть в лодке от берега, надо оттолкнуться от него. Потом берег не нужен. Нужно грести себе и плыть. А от чего оттолкнуться, не столь уж и важно.

— Знаменитые слова апостола Павла «Всякая власть от Бога» — можно ли и нужно ли понимать их буквально?

— Власть как определенная структура социума необходима. Антипод власти — анархия, хаос, а хаос Церковь не признает. Власть как некая абстрактная система — она, конечно, от Бога. А конкретно — это уже совсем другое. Власть может идти против совести людей. В том же Писании сказано, что надлежит более слушаться Бога, нежели человека.

— Да, власть может быть и наказанием для людей...

— Безусловно. Господь устроил так, что есть определенный нравственный мир и порядок. Но если к власти пришли нацисты — это не случайное явление, а зло, принятое волей народа. Народ принял нацистов, с удовольствием кричал «Зиг хайль!». Потом, когда люди спохватились, было уже поздно. Так что принцип, исходя из которого власть необходима, а правительство — явление совершенно закономерное, — этот принцип незбылем. Все остальное — утопия. Можно ли представить огромное общество без власти? Допустим, Россию? Ну вот завтра, к примеру, власть ушла, отправилась в эмиграцию. И что же? Полный хаос. Тогда-то и предстоит нам узнать, что власть от Бога.

— Скажите, всегда ли сохраняется тайна исповеди? Мне известны случаи, когда священники предупреждают некоторых своих прихожан: «К этому батюшке на исповедь не ходи...»

— Я не знаю таких конкретных случаев, но тайна исповеди абсолютно свята и неприкосновенна. И священник, который ее нарушил, согласно правилам Церкви, должен быть извергнут из сана. Это очень серьезно. Я не хочу ни на кого наводить тень, мне лично неизвестны такие случаи, когда что-то просочилось через исповедь.

— Но вы ведь знаете, о чем я говорю? Или делаете вид, что не знаете?

— Прекрасно знаю. Но ничего нового здесь нет. До революции официальные инструкции предписывали священникам доносить на прихожан в случае их политической нелояльности. Как обстоят дела сейчас, я не знаю. Лично мне государственные органы не предлагали нарушить тайну исповеди, и я не знаю случаев, когда это кому-нибудь предлагалось. Если же среди моих коллег есть люди, не заслуживающие доверия, то, вероятно, за этим что-то кроется. Но я знаю, как легко в наше не доверчивое время люди могут подозревать друг друга без всяких серьезных оснований. Словом, это надо тщательно проверять.

— Но вы же понимаете, что проверить это практически невозможно.

— В общем, да. Ну как проверить, нарушает ли батюшка тайну исповеди? Не знаю, у меня нет

рецепта, но если человек не доверяет священнику, он может пойти к другому. В целом же мне кажется, что проблемы тут нет. Когда мы приходим на исповедь, мы должны говорить о своих грехах, а грехи — не то, что интересует следственные или другие органы.

— Но мы же говорим на исповеди не только о грехах...

— А надо — только о грехах. Все прочее только мешает.

— В последние годы мне не раз водилось слышать утверждение: «Русский человек может быть только православным». Что вы думаете об этом?

— Мне неизвестно, чтобы в нашем столетии какая-либо народность обязательно придерживалась какой-то одной конфессии. Сегодня миллионы русских людей ни во что не верят. Миллионы русских людей — баптисты и пятидесятники. Еще какая-то часть — католики. Большинство же исповедует православие.

— Что вы знаете об отношении к обществу «Память» Православной церкви?

— На проблему «Памяти» отреагировали два наших выдающихся иерарха: митрополит Ленинградский Алексий (ныне — Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. — М.Д.) и управляющий делами Московской патриархии митрополит Владимир. Смысл их высказываний состоит в следующем: патриотизм — вещь прекрасная, забота о сохранении культуры и памятников старины — тоже, но когда все это приобретает характер откровенного шовинизма, то противоречит основам христианства. Русская интеллигенция всегда отличалась терпимостью и отсутствием шовинизма. Достоевский гордился этой чертой, считая русского всечеловеком, открытым ко всем культурам.

— Это сложный вопрос, отец Александр. У того же Достоевского, как вы знаете, антисемитские настроения были довольно сильными...

— Ну и что? В конце концов, это было его право. В целом же русская интеллигентность означает терпимость и доброжелательность ко всем народам, населяющим нашу многонациональную страну. Это благородная, прекрасная черта, ее необходимо поддерживать.

— Какие надежды вы связываете с сегодняшней ситуацией в стране?

Отец Александр с женой Натальей, сыном Михаилом и дочерью Еленой. 1976 год.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ОТЦА АЛЕКСАНДРА

Кровь мучеников — семя Церкви

существенное влияние на общественно-политические процессы, которые протекали в СССР в конце 80-х годов. Отец любил Россию, работал для нее и переживал за все происходящее в стране. Он действительно был очень популярен. Он выступал не только с амвона православного храма, но читал лекции на христианские темы во многих публичных аудиториях — в институтах, библиотеках, на предприятиях... Популярность его в конце 80-х годов была столь высока, что в период становления демократии ему даже предлагали избираться в депутаты Верховного Совета СССР. Это было еще до того, как Священный синод запретил священнослужителям Русской православной церкви заниматься политикой. И многие священники в то время шли в депутаты разных уровней. Но отец в категоричной форме отказался. Именно тогда он сказал: «Политикой должны заниматься не священники. У священнослужителя есть очень важное дело — проповедовать Евангелие, помогать людям прийти к духовному преображению, найти новый путь в жизни». Убежден, что и сегодня он не изменил бы своей позиции.

— Александр Мень стал первым священником Русской православной церкви, который выступил с проповедью на телевидении... — Позже мне рассказали сотрудники телевидения, что передача с его участием достигла высо-

Александр МЕНЬ: «Русская интеллигенция всегда отличалась терпимостью»

— Я надеюсь только на Бога. А нынешнюю ситуацию я приветствую, потому что она — единственный возможный вариант для выхода нашей страны из кризиса — духовного и материального.

— Вы полагаете, теперь будет легче? — Я ничего не полагаю, это не в моих правилах. Я просто тружусь потихоньку. И не люблю праздных мыслей. Я надеюсь на Бога: что будет, то и будет. И потом, мне даже физически некогда предаваться таким размышлениям.

— Как вы думаете, долго ли продлится нынешний ренессанс русского православия? — Это забота церковного руководства и самих верующих. Моя забота — выполнить мой долг перед Богом, перед людьми. Кроме того, назвав происходящее ренессансом, вы, по-моему, не совсем точно выразились. Я бы назвал это по-другому: Бог снова дал шанс верующим. Вопрос лишь в том, как мы его используем. Я хочу сказать, что многое зависит от нас. Бог снова призвал нас. Теперь — наш ответ. Сумеем ли ответить? Сможем ли?..

Марк ДЕЙЧ.

кого рейтинга. Но выступление отца было воспринято неоднозначно. Наряду с признанием слышалась и жесткая критика со стороны консерваторов. Его упрекали за то, что он для проповеди Евангелия воспользовался таким ультрасовременным инструментом, как телевидение. Сегодня, спустя 15 лет, очевидно, что отец был абсолютно прав: Церковь должна использовать современные технологии. Сейчас на телевидении появляются замечательные передачи, которые собирают большую аудиторию. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, многие епископы и священники выступают по телевидению. Церковь активно использует и телевидение, и радио, и интернет-ресурсы. Отец и в этом был первопроходцем, а у первопроходцев всегда сложный путь.

— Версий преступления было множество. Какой придерживаетесь вы? Кому, по-вашему, могло быть выгодно убийство православного священника?

— Я не следователь, и конкретной версии у меня нет. Но есть концептуальное понимание, кому была выгодна смерть отца. Хочу напомнить, что в тот период, конец 80-х — начало 90-х годов, в стране разрушалась коммунистическая идеология. Явственно ощущался вакуум, который необходимо было чем-то заполнить. Некоторые политики рассматривали возможность заполнения этой пустоты религиозным компонентом — православием. Это даже цинично озвучивалось: «Каждому вместо партийного билета вручить по свечке». Политики хотели, чтобы православие преподносилось людям поверхностно — как некая этнографическая религия с элементами обрядовости.

Священник, который занимался активным миссионерством в стране, где до основания были разрушены связи с Церковью, вызывал раздражение у авторов идеи. Я не могу утверждать, что убийство отца было подготовлено ими. Однако, на мой взгляд, в тот период существовали реальные властные структуры, заинтересованные в физическом устранении отца. Они вполне могли стоять у истоков этого преступления. Но они цели своей не добились. Они пытались заставить его замолчать, но после гибели его слово звучало гораздо громче. Аудитория его последователей и учеников стала гораздо шире.

— Как сегодня, на ваш взгляд, можно оценить наследие протоиерея Александра Менья?

— С каждым годом интерес к его личности не только не угасает, но возрастает. За 15 лет после его гибели тираж его книг в России составил около 6 миллионов экземпляров. Его труды переведены на 14 языков и распространяются не только в нашей стране, но и за рубежом. Его книга «Сын человеческий» об Иисусе Христе разошлась тиражом более 2 миллионов экземпляров только в России. Она переведена более чем на 10 языков и пользуется успехом даже в католических странах — Бразилии, Испании, Германии. Выходят не только его книги. Собраны почти все видеозаписи его выступлений, многие расшифрованы и опубликованы.

За последние годы снято несколько документальных фильмов о жизни отца. В Новой Деревне в Подмосковье, где он служил и где похоронен, построена задуманная им церковь-костел. На месте трагической гибели отца в поселке Семхоз возведен церковный комплекс: храм-часовня усекновения главы Иоанна Предтечи и церковь преподобного Сергия Радонежского. Неподалеку создан музей отца и сохранен его кабинет.

— Планируете ли в этом году особые мероприятия в память о нем?

— Каждый год 9 сентября в Семхоз и в Новую Деревню приезжают сотни людей, чтобы почтить память отца. Разумеется, так будет и в 15-летие его гибели. В этот день в храме преподобного Сергия Радонежского в поселке Семхоз митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий отслужит панихиду. К трагической дате запланирована серия выставок и памятных вечеров. В этот день в Московском международном доме музыки с одобрения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоится концерт Национального филармонического оркестра России и Владимира Спивакова, который трепетно относится к памяти отца и посвятит этот вечер ему.

Беседовал Сергей БЫЧКОВ.

100 лет! Мень Александр

9 09 05